
ИСТОРИОГРАФИЯ

Оригинальная статья

УДК 930(477)"198"(045)

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192>

Из опыта саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки

В.В. Пузанов*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия**vvpuzanov@gmail.com*

Аннотация

В статье рассмотрена проблема саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки. С одной стороны, это было время расцвета советской марксистской историографии, а с другой – начало ее деструкции, завершившейся массовым отказом исследователей от марксистской парадигмы. Отправной точкой исследования является реконструкция представлений авторов фундаментального издания «Историография истории Украинской ССР», в котором отразились общие закономерности развития историографических изысканий в УССР, их состояние на историческом переломе. Данный труд увидел свет в начальный период развертывания политики гласности и поэтому сразу устарел, став символом ушедшей эпохи. Дальнейшее развитие историографии было тесно связано с социально-экономическими, политическими и национальными процессами, запущенными перестройкой. Особое внимание уделено исследованиям, посвященным историографии домонгольского периода истории восточных славян и проблеме воссоединения Украины с Россией, поскольку обозначенные вопросы были на тот момент менее идеологизированы и ревизионистские процессы здесь протекали более естественно, чем при изучении проблем новой и новейшей истории Украины. Сделан вывод о том, что и в указанной области украинскими историками за несколько лет был проделан огромный путь от восприятия себя неотъемлемой частью советской марксистской историографии до осознания национальной особенности, что явилось не столько следствием естественной эволюции, сколько результатом внешнего воздействия со стороны общественных трансформаций, запущенных перестройкой.

Ключевые слова: украинская советская историография, домонгольская Русь, саморефлексия, перестройка, гласность, марксистская парадигма, национальный вопрос, сепаратизм

Для цитирования: Пузанов В.В. Из опыта саморефлексии украинской советской историографии периода перестройки // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 179–192. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192>

**Self-reflection in Ukrainian Soviet historiography
during the period of perestroika**

V.V. Puzanov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

vvpuzanov@gmail.com

Abstract

This study focuses on the self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during perestroika. It was a paradoxical period marked by the flourishing of Marxist historiography and yet the beginning of its decline, which resulted in a massive rejection of the Marxist paradigm by researchers. The ideas expressed by the authors of the seminal work “Historiography of the History of the Ukrainian SSR”, which defines the general trajectory of historiographical research in the Ukrainian SSR and its state at the moment of a major historical change, are reconstructed. The book was published at the dawn of glasnost policy and quickly became outdated and emblematic of a bygone era. The subsequent advance of historiography in the region was closely linked to the socio-economic, political, and national shifts caused by perestroika. Here, particular attention is paid to the studies on the historiography of the pre-Mongol period in the history of the Eastern Slavs and the reunification of Ukraine with Russia. Both of them were less ideologically influenced and thus revising them proceeded more naturally than studying the issues in the contemporary history of Ukraine. The analysis shows that Ukrainian Soviet historiographical research, even in these less politicized areas, experienced a shift from identifying itself as an integral part of Soviet Marxist historiography to prioritizing national uniqueness, which appeared not so much a consequence of natural evolution as the result of external influences from the social transformations driven by perestroika.

Keywords: Ukrainian Soviet historiography, pre-Mongol Rus', self-reflection, perestroika, glasnost, Marxist paradigm, national question, separatism

For citation: Puzanov V.V. Self-reflection in Ukrainian Soviet historiography during the period of perestroika. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 179–192. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.179-192>. (In Russian)

Введение. Проблема взаимовосприятия украинских и российских историков, репрезентации ими национальной истории обрастает легендами и домыслами, распространяющимися в общественном сознании по принципу испорченного телефона. В большинстве случаев сформировавшиеся стереотипы не имеют отношения к серьезной науке. В связи с этим представляется важным именно с научной точки зрения проследить путь трансформации украинской историографии под влиянием социально-экономических и политических процессов, чтобы воссоздать по возможности объективную картину произошедшего и отделить досужие вымыслы от взглядов профессиональных историков.

Следует признать, что в Российской Федерации, несмотря на сотрудничество историков двух стран, на первых порах не проявляли сколько-нибудь значительного интереса к

украинской историографии. Только в начале нулевых годов XXI в. в российских научных изданиях стали появляться публикации украинских авторов, освещавшие первые десятилетия становления независимой национальной историографии [1–4]. Постепенно и у российских историков активизировался интерес к украинской исторической науке, особенно на рубеже второго и третьего десятилетий XXI столетия [5–14]. Помимо общих обзоров оценки современной украинской историографии содержатся и в работах, посвященных проблемам изучения истории Восточной Европы на постсоветском пространстве [15], «войнам памяти» [16–19] и др.

Все указанные публикации освещают современный этап развития украинской историографии. Настоящая статья посвящена особенностям саморефлексии украинских историков на последнем этапе существования СССР – в период перестройки. Именно в то противоречивое и динамичное время закладывались основы для «лихих» 90-х, «благословенных» нулевых и «драматичных» 10–20-х. Все обозначенные общественные трансформации кардинальным образом отразились на исторической науке.

В семье советских историков-марксистов: украинская историография накануне перестройки. В период СССР украинская историография позиционировала себя как марксистская и как составная часть советской исторической науки. Венцом ее развития стала многотомная «История Украинской ССР», опубликованная в Киеве на украинском (в восьми томах, десяти книгах, 1977–1979) и русском (в десяти томах, 1981–1985) языках. По словам авторов этого эпического труда, он был написан благодаря «творческому сотрудничеству» ученых Украины с коллегами из Москвы, Ленинграда, «других научных центров РСФСР и братских республик, опыту подготовки обобщающих работ... накоплению огромного фактического материала в монографиях и статьях» [20, с. 6]. Поскольку «создание этого труда стало возможным только на историографической основе, которая закладывалась несколькими поколениями советских историков» [21, с. 3], было принято решение подготовить и издать дополнительный том – «Историография истории Украинской ССР» (далее – *Историография*), который вышел в свет в 1987 г.¹ на русском языке. Этот обобщающий труд отразил общие закономерности развития историографических изысканий в УССР, их состояние на переломе исторических эпох. Появился он в неудачное для себя время. В конце декабря 1985 г., незадолго до сдачи тома в набор, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев подал Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву аналитическую записку, в которой сформулировал концепцию политики гласности. Генсек впервые заявил о гласности на XXVII съезде КПСС 25 февраля 1986 г. в Политическом докладе, «запустив идею в массы» и нацелив на нее соответствующие партийные и государственные органы.

Таким образом, *Историография* вышла в свет в момент начала разрушения той общественно-политической и идеологической среды, а следовательно, и научной парадигмы, в условиях которых она создавалась. Этот труд для советской украинской исторической науки стал символом ушедшей научной эпохи и вершиной ее историографического жанра. Тем он и интересен для настоящего исследования, посвященного опыту саморефлексии украинской советской историографии на завершающем этапе ее развития.

Структурно книга состоит из десяти глав, каждая из которых соответствует определенному тому «Истории Украинской ССР» [21, с. 8–9]. В настоящей статье остановимся прежде

¹ Был сдан в набор 10 января 1987 г., а подписан в печать 29 октября 1986 г.

всего на первой главе, а именно на проблемах истории домонгольской Руси и, естественно, на методологической составляющей. Но для более полного понимания саморефлексии украинских авторов будут привлекаться и материалы, отражающие острые идеологические вопросы из других периодов украинской истории, в частности из эпохи национально-освободительных войн XVII в.

В духе уходящего времени рассматриваемый труд начинается с ритуальных для советской историографии заверений в верности марксистской методологии [21, с. 3 и др.]. Присутствует и обязательная ссылка на современные партийные документы или высказывания лидеров КПСС. Следует отметить оперативность издателей: несмотря на то, что материал был сдан в набор за полтора месяца до открытия XXVII съезда КПСС, в предисловии использована цитата из принятой на нем новой редакции Программы КПСС². Значительно переписали заключение, вставив два сюжета с упоминанием съезда [21, с. 522, 523], в том числе процитировав место из Политического доклада М.С. Горбачева и интерпретировав его с точки зрения стоящих перед историками новых задач [21, с. 523–524].

В двух последних абзацах уделили внимание задачам, поставленным новой редакцией Программы КПСС [21, с. 524]. Соответствующие коррективы были внесены и в параграфы 1 и 12 главы X.

Авторы историографического тома (как и всей «Истории УССР») не только осмысливают себя частью советской исторической науки (речь даже идет о советской исторической школе [2, с. 3]) в методологическом плане, но и следуют руслу общих тенденций в оценке конкретных научных проблем (становление классового общества [21, с. 20–26], этногенез и ранняя история славян [21, с. 32–37], образование Древнерусского государства [2, с. 37–42], Киевская Русь в «период феодальной раздробленности» [21, с. 42–47], критика «антинаучной буржуазной историографии» (в том числе украинской диаспорной) [21, с. 51–59, 84–90] и др.). Для них не только украинская и советская, но и российская дореволюционная историография – это *отечественная историография*, что следует как из общего контекста очерков тома, так и из прямых указаний³.

Полное единодушие с советским историческим цехом проявляют украинские исследователи и при решении проблем, ставших впоследствии полями сражения «войн памяти»: древнерусская народность, древнерусское наследие [21, с. 51–59], культурное единство домонгольской Руси [21, с. 55] и т. п.

В анализируемом томе отмечается и другая отличительная черта официальной науки – стремление представлять историографическую ситуацию в выгодном для исследователей, придерживающихся общепринятых, «правильных» взглядов, свете. Например, из чтения сюжета, посвященного историографии происхождения славян, читатель не получает объективного представления о реальном положении дел. Анализируются труды, «удрежняющие» процессы славянского этногенеза. О работах Д.А. Мачинского,

² «Социализм, – отмечалось в новой редакции Программы КПСС, – обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения, основу которого составляет марксизм-ленинизм как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов» [21, с. 3].

³ Например: «Интерес к истории этих народов зародился в отечественной науке еще в конце XVII в. Первой попыткой систематизации материалов о древнейшей истории России является “Скифская история” Андрея Лызлова» (далее следуют М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, И.Е. Забелин и др.) [21, с. 20]; «Изучение истории Киевской Руси периода феодальной раздробленности имеет в отечественной средневековой истории давнюю историографическую традицию, идущую со времен создания в 1715 г. А.И. Манкиевым труда “Ядро российской истории”» [21, с. 42] и др.

М.А. Тихановой, Н.Б. Щукина, Р.В. Терпиловского и др. исследователей не упоминается. Из археологов, следовавших в русле новых научных тенденций, указан только В.Д. Баран. Не рассмотрены труды лингвистов, у которых к тому времени сложилась стройная концепция балто-славянского этногенеза. Неслучайно сюжет завершается рассмотрением взглядов Б.А. Рыбакова, воспринимавшихся как решающее слово в науке [21, с. 34–36], но являвшихся ко времени написания тома устаревшими.

Взгляды Б.А. Рыбакова трактуются как непреложная истина и при изучении проблемы образования Древнерусского государства: «В настоящее время все более находит подтверждение в конкретно-исторических изысканиях советских историков выдвинутое Рыбаковым Б.А. мнение о том, что понятие “Русь” родилось в VI в. н. э., а государственное начало в ее структуре проявляется примерно в VIII–IX вв. Время, охватывающее VI–VIII вв., было тем периодом, когда оформлялись все предпосылки классовых феодальных отношений». Ну и, конечно же, «характерным проявлением этого процесса является раннее [конец V – начало VI в.] возникновение Киева» [21, с. 40]⁴.

Подобные выводы отбрасывали советскую историографию к послевоенному десятилетию, когда имела место тенденция к «удревнению» процессов этно-, социо- и политогенеза у восточных славян.

Естественно, подвергаются критике взгляды историков, не придерживавшихся «правильных» взглядов [21, с. 45–46].

В таком же ключе написаны вторая и третья главы, посвященные историографии истории Украины XIII–XVIII вв. Особенно показательно отношение к проблеме воссоединения Украины с Россией. В тексте говорится об изначальном тяготении украинского народа к воссоединению с русским народом в едином государстве [21, с. 7–8, 75, 91–98], жестко критикуются представители «буржуазно-националистической» историографии, не разделявшие эти взгляды [21, с. 133–139].

Таким образом, украинские исследователи позиционировали себя в качестве составной части советского исторического цеха, историю Украины вписывали в историю России, а украинскую и российскую историографию считали «отечественной», жестко дистанцируясь от украинской диаспорной историографии. При этом они в основной массе следовали за наиболее консервативными историками московской школы, а многие пытались быть еще более радикальными в плане «удревнения» истории восточных славян, постулирования исторической общности восточнославянских народов и т. п.

Перестройка и начало украинского «исторического пробуждения». Украинское «историческое пробуждение» наметилось в период перестройки и раскручивалось по мере деструкции советской политической системы, обретения независимости и углубления процессов становления независимого государства. В 1987–1991 гг. СССР оказался во власти «исторического бума». Инициативу в свои руки взяли публицисты, решительно закрывавшие белые пятна истории. Профессиональные историки, находясь в арьергарде новых веяний, выслушивали в свой адрес критику по этому поводу и «сверху» (со стороны представителей власти), и «снизу» (от лица «неравнодушной» общественности). Важным толчком для развития плюрализма в исторической науке стал доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», произнесенный 2 ноября 1987 г. по случаю 70-лет-

⁴ Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко стали главными исполнителями политического заказа на «научное» обоснование 1500-летнего юбилея Киева, который широко отмечался в 1982 г.

него юбилея Великого Октября. В нем обозначалась задача возвращения к ленинским принципам, что стало сигналом и для историков (прежде всего для историков КПСС, борцов с буржуазным национализмом и буржуазной историографией), специалистов по научному коммунизму и марксистско-ленинской философии. 28 июня – 1 июля 1988 г. проходила XIX партконференция, на которой была принята резолюция «О гласности», давшая новый импульс демократизации общества в целом и свободе слова в частности. В борьбе с консервативной частью КПСС ЦК содействовал (по крайней мере – не препятствовал) созданию в союзных республиках народных фронтов в «поддержку перестройки». На Украине он был создан позднее остальных: 8–10 сентября 1989 г. прошел учредительный съезд «Народного руха в поддержку перестройки», объединившего на начальном этапе в своих рядах представителей самых разных политических сил – от коммунистов до националистов. Очень быстро он превратился в политическую организацию националистического толка, нанеся удар по монопольному положению компартии.

24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принял резолюцию, в которой признал подлинность секретного протокола к договору СССР и Германии 1939 г. о ненападении и выступил с его осуждением, что способствовало нарастанию сепаратистских настроений в Прибалтике и Западной Украине. ЦК КПСС, инициировав демократизацию и гласность, выпустил на свободу силы, которые он уже не мог контролировать. На самом деле, единства ни в ЦК КПСС, ни в ЦК союзных республик, ни в КПСС в целом уже не существовало: шла борьба за власть и за ресурсы. Историческая наука использовалась политическими силами в их интересах. Это не могло не сказаться на состоянии официального «исторического фронта», который стал «трещать» по всем направлениям (см. [22, с. 142]).

Покидали свои посты политики «старой» партийной закалки. 28 сентября 1989 г. по настоянию М.С. Горбачева ушел в отставку В.В. Щербицкий, много сделавший и для социально-экономического и культурного развития Украины, и в плане противостояния националистическим силам. Серьезным ударом по его репутации стало замалчивание на первых порах чернобыльской трагедии, хотя в данном случае он выполнял указания Кремля. На выборах в марте 1990 г. около трети мест в Верховной раде получили «национально-свидомые».

С осени 1989 г. начинается принятие союзными республиками деклараций о государственном суверенитете. Решающим для дальнейшей судьбы СССР стало принятие Съездом народных депутатов РСФСР декларации о государственном суверенитете 12 июня 1990 г. И только месяц с небольшим спустя, 16 июля 1990 г., декларацию о государственном суверенитете Украины принимает Верховная рада.

Пиком политики гласности стал закон «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г., отменивший политическую цензуру в СССР⁵. Все упомянутые политические пертурбации оказали непосредственное влияние и на историческую науку.

Возвращение М.С. Грушевского. Исследователи древности и Средневековья менее склонны реагировать на колебания политического курса в отличие от публицистов и своих «заидеологизированных» коллег по научному цеху. Поэтому на начальном этапе потребность в «свежем слове» для интересующихся досоветским периодом отечественной истории удовлетворяли работы дореволюционных авторов, которых начали активно публиковать с 1988 г. В УССР особенно популярен стал М.С. Грушевский, которого до этого считали

⁵ Впрочем, цензура как таковая практически сошла на нет раньше, а если и действовала, то в отношении, скорее, «охранителей», а не «перестройщиков». Вспомним, например, историю с опубликованием и осуждением статьи Н.А. Андреевой «Не могу поступиться принципами» в марте 1988 г.

«украинским буржуазным националистом» и чьи труды в библиотеках республики отсутствовали в открытом доступе⁶. О нем, как и ряде других украинских «историков-националистов», если и упоминали, то преимущественно в негативном контексте. В той же *Историографии*, например, писалось: «Огромный вред развитию исторических знаний принесли работы украинских буржуазно-националистических историков П. Кулиша, В. Антоновича, М. Грушевского и других, выступивших с теорией “бесклассовости украинского народа”» [21, с. 64, 65; ср. с. 73, 78–79, 91, 92, 100, 109; 114, 149, 183, 194–195], пытавшихся «посеять вражду между братскими русским и украинским народами» [21, с. 126] и т. п.

По мере развертывания политики гласности акценты смещались и оценки работ М.С. Грушевского и его единомышленников в украинской историографии менялись. Именно эти изменения на рассматриваемом этапе наиболее наглядно отражают эволюцию самовосприятия историков того времени, тем более что в большинстве рассматриваемых далее случаев в качестве авторов или соавторов статей, посвященных М.С. Грушевскому, выступают историки, принимавшие самое активное участие в написании первой и третьей глав *Историографии* – В.М. Рычка, Ф.П. Шевченко, В.А. Смолий.

Надо сказать, что попытки отхода от официально принятых оценок творчества М.С. Грушевского в СССР предпринимались еще в 1966 г. в связи со столетним юбилеем ученого [23; 24]. Но решающие изменения в осмыслении деятельности М.С. Грушевского как предшественника современной украинской историографии происходят в годы перестройки. Неоднозначные оценки получила статья кандидата филологических наук С.И. Белоконя в рупоре украинского писательского цеха и национально-ориентированной интеллигенции – «Литературной Украине», опубликованная спустя 20 дней после XIX партконференции [25] и вызвавшая недовольство в ортодоксальных кругах⁷.

Большинство же историков на первом этапе политических изменений соблюдали осторожность. В 1989 г. журнал «Отчизна» начинает публикацию седьмого тома «Истории Украины-Руси». Предваряет ее статья В.А. Смолия и А.И. Гуржия, которые объясняют возможность публикации процессами демократизации в советском обществе. Авторы еще не выходят за рамки традиционного советского украинского нарратива, в котором речь шла о «буржуазных историках-националистах»: упрекают М.С. Грушевского в «прямом» осуждении «революционно-освободительного движения широких народных масс Украины», «пронемецкой ориентации» [26, с. 169], неприятии марксистско-ленинского учения, отождествлении политики царизма «с отношением всего русского народа к украинцам...» [26, с. 170] и т. п.

В 1990 г. в послесловии к монографии М.С. Грушевского «Очерк истории украинского народа» Ф.П. Шевченко и В.А. Смолий рассматривают деятельность и научное творчество историка в более позитивном ключе [27]: замечаний немного, высказываются они в мягкой и обтекаемой форме. Здесь уже нет упоминаний ни о перестройке, ни о революционном движении, ни о марксизме, отсутствуют обвинения в пронемецкой ориентации. В то же время авторы еще не отошли окончательно от советской историографии. Так, касаясь изменения политических взглядов М.С. Грушевского, исследователи подчеркивают, что он в итоге «пришел к полному признанию Советской власти на Украине» [27, с. 345], отзываясь при

⁶ В 1982 и 1984 гг. автору настоящей статьи еще студентом довелось работать в библиотеке Академии наук в Киеве, где он был поражен невозможностью получить на руки труды М.С. Грушевского. Ознакомиться с ними удалось в 1985 г. в библиотеках Ленинграда, где они находились в открытом доступе.

⁷ Рубльов О.С. М.С. Грушевський // Сергій Білокінь. Персональний сайт історика. URL: <https://www.s-bilokin.name/Bio/60Anniversary/Hrushevsky.html>, свободный.

этом негативно о его недостаточном внимании к вопросам «формационного развития общества», акцентированности на освещении гонений украинской культуры со стороны царского правительства, идеализации «условий развития духовной жизни на западноукраинских землях», «односторонности» освещения «украинско-русских отношений» и т. п. [27, с. 365].

Кульминацией развития грушевсковедения советского времени можно считать пришедшееся на 1991 г. начало процесса полного издания его «Истории Украины-Руси». Вступительная статья В.А. Смолия и П.С. Соханя [28] была почти сплошь написана в позитивном ключе. В целом в смягченном варианте формировался традиционный набор оценок деятельности М.С. Грушевского, характерный для его адептов в современной украинской историографии [28, с. X, XII, XIV–XIX, XXIII, XXXVIII]. Авторы статьи излагали взгляды М.С. Грушевского либо нейтрально, либо комплементарно. Пожалуй, только один раз они четко выразили свою точку зрения, причем вполне в духе советской историографии, когда посчитали нецелесообразным «ставить в одну историческую плоскость как равноценные для Б. Хмельницкого силы... Россию и... Турцию, Крымское ханство или Молдавское княжество», так как «принципиальная разница заключалась в... этнических, языковых и религиозных факторах, глубокой исторической традиции, объединявшей украинский и русский народы» [28, с. XXXV].

В.М. Рычка, подготовивший к публикации в «Украинском историческом журнале» в связи с 125-летием М.С. Грушевского его работу «Великая, Малая и Белая Русь» [29],⁸ отказался давать какие-либо оценки. В небольшой сопроводительной статье он кратко остановился на истории самой публикации и журнала, в котором означенная работа впервые увидела свет [30, с. 86–87], отметил нерешенность поднятого М.С. Грушевским вопроса о происхождении терминов «Великая», «Малая» и «Белая» Русь, хотя «попытки его разрешения в советской историографии... предпринимались» [30, с. 87]. Последнее замечание указывает на отнесение автором себя к руслу советской историографии. В такой позиции нет ничего удивительного: многие бывшие советские историки даже после того, как их разделили границы, какое-то время продолжали подсознательно ощущать себя частью единой научной корпорации.

В конце 1991 г. выходит репринтное издание первой, еще студенческой, монографии М.С. Грушевского «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия». Послесловие написал П.П. Толочко, который отдал должное «великому украинскому историку» [31, с. 527–529, 541], однако подверг работу столетней давности основательной критике – без упоминаний о марксистских принципах, но под углом воззрений, характерных для советских историков [31, с. 526–540].

В плане эволюции самовосприятия отдельных украинских историков показательна статья А.И. Кияна, посвященная жизни и творчеству учителя М.С. Грушевского – В.Б. Антоновича. Исследователь реабилитировал основателя знаменитой Киевской школы, которая «как бы заново открыла историю украинского народа», но «была полностью проигнорирована централистской системой С.М. Соловьева и его великодержавных последователей» [32, с. 71]. Достоинством В.Б. Антоновича, по мнению А.И. Кияна, является то, что он, в отличие от других украинских историков, своих современников, испытал влияние не российской, а польской и французской культуры, ориентировался «на западноевропейскую научную мысль» [32, с. 72]. Автор пытается опровергнуть имевшие место обвинения

⁸ Статья была опубликована в журнале «Украина» (1917, кн. 1) (см. [30, с. 86–87]).

В.Б. Антоновича в украинском национализме и – более того – упрекает последнего в том, что он считал украинскую нацию «негосударственной», а большинство украинцев политически инертными [32, с. 73–74]. А.И. Киян в упомянутой статье уже никак не ассоциирует себя с советской, тем более – с российской историографией. Напротив, он жестко противопоставляет «передовую» на тот момент украинскую историческую мысль в лице В.Б. Антоновича как польским «буржуазно-националистическим историкам», так и «русской великодержавно-шовинистической историографии» [32, с. 74].

Показательно, что в конце апреля 1991 г. И.А. Киян защитил кандидатскую диссертацию, во введении которой, согласно автореферату, содержалась цитата из доклада М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» [33, с. 1], русская дореволюционная периодика называлась «отечественной» [33, с. 2–3], провозглашалось следование принципам «марксистско-ленинской методологии» [33, с. 7].

Таким образом, в 1987–1991 гг. происходят важные изменения в саморефлексии украинских исследователей, которые все чаще начинают ассоциировать себя не с советской⁹, а с украинской национально-ориентированной историографией, включая как дореволюционных, так и диаспорных авторов. В русле подобных изменений украинские исследователи «с легкой руки» М.С. Грушевского (термин впервые в оборот ввел его учитель – В.Б. Антонович) [32, с. 74] стали использовать понятие «Украина-Русь»¹⁰, которое раскрывало преемственность современной Украины и домонгольской Руси, но было не очень удачным с точки зрения семантики [16, с. 171–172]. Среди историков начался первый этап дерусификации (переход на украинский язык, отказ от признания общих исторических корней и т. п.). Впрочем, серьезные исследователи быстро стали отходить и от «Украины-Руси», и от ограничения сферы применения русского языка. В последнем случае имел место и прагматичный посыл – украиноязычные труды были в меньшей степени востребованы за рубежом. За небольшим исключением в 90-х годах XX в. (как и в советское время) преимущественно на украинском языке писали авторы, чьи работы были рассчитаны на внутреннее потребление и не вызвали интерес за пределами Украины и украиноязычной диаспоры. Но именно они оказались наиболее востребованы националистическим спектром общественно-политического сознания. Зачастую по ним судят об украинской историографии в целом, что несправедливо, особенно в отношении историков, изучающих средневековую Русь.

В рассматриваемый период активно налаживались связи с украинской зарубежной диаспорой. Знаковым стало приглашение на Украину по инициативе Б.Е. Патона известного историка Омеляна Прицака и избрание его академиком АН УССР.

Показательна эволюция тематики публикаций в «Украинском историческом журнале». В 1989 г. еще доминируют идеологически окрашенные рубрики: «Курсом обновления социализма», «К 119-летию со дня рождения В.И. Ленина», «Материалы к “Очеркам истории Компартии Украины”», «Борцы за счастье народа», «Материалы к биографии выдающихся деятелей Октябрьской революции и гражданской войны на Украине», «Люди, факты, события в воспоминаниях революционеров» и т. п. В 1990 г. их количество сокращается, а в 1991 советский, марксистский идеологический дискурс исчезает, полностью заменяясь национальным.

Таким образом, переломным является 1990 г. В то же время следует учитывать, что историки КПСС, борцы с буржуазным национализмом и иные представители «заидеологи-

⁹ Не говоря уже о дореволюционной российской историографии.

¹⁰ Использование термина *Украина-Русь* может являться определенным маркером ассоциирования себя не с советской, а с украинской дореволюционной и диаспорной историографией.

зированных» направлений в основной своей массе перестраивались быстрее, чем исследователи, изучавшие Древнюю Русь.

Заключение. В 90-х годах XX в. украинская историография развивалась в том же русле, что и российская – отход от марксистской парадигмы и поиски новых методологических ориентиров. Но было и существенное отличие: Украина активно строила независимое государство. При этом независимость понималась в первую очередь не как обретение реального суверенитета, а как ослабление зависимости от России. Для этого, по мнению украинской элиты, требовались десоветизация, декоммунизация и дерусификация¹¹. Усиление зависимости от США и ЕС, напротив, воспринималось как процесс обретения суверенитета¹². По большому счету, обе «революции» («оранжевая» и «достоинства») помимо внешнего фактора были вызваны и внутренним противостоянием в украинском обществе между сторонниками прозападной и пророссийской ориентаций. В итоге возобладали сторонники прозападной ориентации: они оказались активнее, а не многочисленнее.

Созидание «Незалежной» неизбежно вело к украинизации и общественно-политической мысли, и историографии. И здесь главным «раздражителем» снова была Россия. По словам Г.В. Касьянова, «Россия присутствует в украинской национализированной истории по определению – без этого Другого фактически невозможно формирование собственного национального нарратива, поскольку он играет чрезвычайно мобилизационную роль в определении собственного национального “Я”»¹³.

Таким образом, именно внешний импульс со стороны перестроечных процессов (а не логика внутреннего развития) стал главным фактором кардинальной смены научной и идеологической парадигмы у советских, в том числе украинских, историков. Не будь перестройки с ее гласностью и демократизацией, историки, вероятно, продолжали бы восхвалять марксистскую историческую науку, «гвоздить к позорному столбу» буржуазную историографию, клясться в верности ленинскому курсу и КПСС. Конечно, имела бы место, как и прежде, определенная фронда, но, скорее всего, большинство ее немногочисленных представителей подкрепляло бы свои научные новации многочисленными цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма, обвиняя оппонентов в том, что это они неправильно понимают К. Маркса, Ф. Энгельса или В.И. Ленина.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

¹¹ Очень точно такие настроения охарактеризовал один из идеологов украинизации В.А. Смолий: «Речь идет о стремлении Украины во что бы то ни стало вырваться из постсоветских сетей, избавиться от старого имперского и советского наследия, завершить десоветизацию, которую, в свою очередь, нельзя достигнуть вполне без решительной дерусификации» [34, с. 7]. Конечно, эти слова могут быть обусловлены эмоциональным восприятием событий последних лет. Реально же подобная политика, но в более мягкой и завуалированной форме, проводилась изначально.

¹² Здесь можно провести определенные параллели с отношениями европейских стран и США в 90-е годы XX в. и начале нулевых. Распад СССР пробудил в странах «старой Европы» (прежде всего это ФРГ, Франция, Италия) определенные надежды на ослабление зависимости от США путем наращивания сотрудничества с Россией. Напротив, страны «новой Европы» (бывшие участники Варшавского договора) заняли выраженные проамериканские позиции. Для них независимость ассоциировалось с дистанцированием от России – правопреемницы СССР.

¹³ Касьянов Г.В. Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір // Образ Іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (матеріали междунар. наук. конф., Київ, 15–16 грудня 2005 року) / Упорядник и науч. ред. Г.В. Касьянов. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2008. С. 19.

Литература

1. Касьянов Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 491–519.
2. Грицак Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 427–454.
3. Hrytsak Y. What do we write about when we write about Ukraine? // *Ab Imperio*. 2022. № 1. Р. 51–66. <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0003>.
4. Гаухман М. В поисках новой истории: историографические дискуссии начала XXI в. о метанарративе истории Украины // *Ab Imperio*. 2022. № 3. С. 27–67. <https://doi.org/10.1353/IMP.2022.0060>.
5. Михальченко С.И. Грушевский М.С. в историографии науки // *Среднерус. вестн. общественных наук*. 2007. № 2 (3). С. 30–35.
6. Карнишин В.Ю. «Украинский вопрос» в политической публицистике М.С. Грушевского // *Изв. ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки*. 2014. № 1 (29). С. 77–83.
7. Карнишин В.Ю. Историческая наука Украины в современных реалиях // *Изв. ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки*. 2021. № 1. С. 90–99. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-9>.
8. Баранов А.В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // *Historia Provinciae – журн. региональной истории*. 2018. Т. 2. № 3. С. 173–191. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6>.
9. Мозохин О.Б. Дело академика М.С. Грушевского // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманит. науки*. 2019. № 3 (51). С. 39–50. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-3-5>.
10. Паишкова Т.Г. Постсоветская историография Украины: новый канон национальной истории // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 101–109. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-4-101-109>.
11. Шинаков Е.А., Украинцев Д.А. Владимир Святой и процесс крещения Руси в украинской историографии конца XX – начала XXI в. // *Христианское чтение*. 2024. № 1. С. 243–254. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_1_243.
12. Ковеля В.В., Шинаков Е.А. Теория «пар городов» в древнерусском государствогенезе (на примере «пары» Чернигов – Шестовица в украинской историографии) // *Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология*. 2024. Т. 30. № 4. С. 59–67. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-59-67>.
13. Дубровский А.М. Украинская историческая мысль на современном этапе (по поводу книги А. Паля «Краткий курс истории Украины») // *Вестн. Брянского гос. ун-та: историч. науки*. 2023. № 3 (57). С. 66–74. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-03-66-74>.
14. Дубровский А.М. «Краткий курс истории Украины» А. Паля и предшествующая историография // *Вестн. Брянского гос. ун-та: историч. науки*. 2024. №2 (60). С. 52–60. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-52-60>.
15. Филюшкин А.И. Как сегодня изучать историю Восточной Европы? // *Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования*. 2020. № 1 (27). С. 3–24. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101>.
16. Пузанов В.В. И плакашася по немь боляре акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителя... Памяти святого равноапостольного князя Владимира // *Вестн. Удмурт. ун-та*. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 170–179.
17. Ищенко А.С. Война памяти, или о том, кому принадлежит наследие Киевской Руси // *Историческая экспертиза*. 2022. № 2. С. 109–122. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-2>.
18. Асеев А.Д., Шишков В.В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Обществ. науки*. 2020. № 2 (839). С. 9–23.
19. Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // *Преподаватель XXI век*. 2021. № 2. Часть 2. С. 288–300. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-288-300>.

20. История Украинской ССР: в 10 т. / Гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев: Наук. думка, 1981. Т. 1: Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь (до второй половины XIII в.) / Отв. ред. И.И. Артеменко. 496 с.
21. Историография истории Украинской ССР / Отв. ред. И.С. Хмель. Киев: Наук. думка, 1987. 557 с.
22. Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛЮ, 2019. 282 с.
23. Шевченко Ф.П. Чому Михайло Грушевський повернувся на Радянську Україну? // Український історичний журнал. 1966. № 11. С. 13–30.
24. Бойко І., Кирилюк Є. Михайло Грушевський. З нагоди 100-річчя від дня народження // Літературна Україна. 1966. 30 вересня (№ 77). С. 3–4.
25. Білокінь С. Михайло Грушевський // Літературна Україна. 1988. 21 липня (№ 29 (4282)). С. 7.
26. Смолий В., Гуржій О. Спадщина // Вітчизна. 1989. №. 1. С. 168–172.
27. Шевченко Ф.П., Смолий В.А. М.С. Грушевський. Краткий очерк жизни и научной деятельности // Грушевський М.С. Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. С. 345–365.
28. Смолий В.А., Сохань П.С. Видатний історик України // Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Київ: Наук. думка, 1991. Т. 1: До початку XI віка. С. X–XXXIX.
29. Грушевський М.С. Велика, Мала і Біла Русь // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 77–85.
30. Ричка В.М. Про еволюцію назви «Русь» в етнополітичній історії України // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 86–88.
31. Толочко П.П. Післямова // Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV століття. Київ: Наук. думка, 1991. С. 526–541.
32. Киян О.І. Життєвий та творчий шлях В.Б. Антоновича // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 64–75.
33. Киян А.И. История Украины на страницах русской журнальной исторической периодики второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991. 18 с.
34. «На зорі новітньої історичної доби...»: Інтерв'ю головного редактора «Українського історичного журналу» академіка НАН України В. Смолія (записав і підготував до друку О. Ясь) // Український історичний журнал. 2024. № 6. С. 5–19.

References

1. Kas'yanov G. The current state of Ukrainian historiography: Methodological and institutional aspects. *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 491–519. (In Russian)
2. Hrytsak Y. Ukrainian historiography: 1991–2001. A decade of change. *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 427–454. (In Russian)
3. Hrytsak Y. What do we write about when we write about Ukraine? *Ab Imperio*, 2022, no. 1, pp. 51–66. <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0003>. (In Russian)
4. Gaukhman M. In search of a new history: Historiographical debates on Ukraine's historical metanarrative in the early 21st century. *Ab Imperio*, 2022, no. 3, pp. 27–67. (In Russian)
5. Mikhal'chenko S.I. M.S. Hrushevsky in the historiography of science. *Srednerusskii Vestnik Obshchestvennykh Nauk*, 2007, no. 2 (3), pp. 30–35. (In Russian)
6. Karnishin V.Yu. "The Ukrainian question" in M.S. Hrushevsky's political publications. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2014, no. 1 (29), pp. 77–83. (In Russian)
7. Karnishin V.Yu. Historical research in Ukraine under the current conditions. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2021, no. 1, pp. 90–99. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-9>. (In Russian)
8. Baranov A.V. A current study of mythogenesis in Ukrainian historiography and political essays. *Historia Provinciae – Zhurnal Regional'noi Istorii*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 173–191. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6>. (In Russian)

9. Mozokhin O.B. Academician M.S. Hrushevsky's case. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2019, no. 3 (51), pp. 39–50. (In Russian)
10. Pashkovskaya T.G. Ukrainian historiography in the post-Soviet period: A new national history narrative. *Gumanitarno-Pedagogicheskie Issledovaniya*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 101–109. (In Russian)
11. Shinakov E.A., Ukraintsev D.A. Saint Vladimir and the process of Kievan Rus' Christianization in Ukrainian historiography during the late 20th and early 21st centuries. *Khristianskoe Chtenie*, 2024, no. 1, pp. 243–254. (In Russian)
12. Kovelya V.V., Shinakov E.A. The theory of “twin cities” in the Old Russian state genesis (a case study of the Chernihiv–Shestovitsa pair in Ukrainian historiography). *Vestnik Samarskogo Universiteta. Istorii, Pedagogika, Filologiya*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 59–67. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-59-67>. (In Russian)
13. Dubrovskii A.M. Ukrainian historical thought in the contemporary period (about O. Palii's book “A History of Ukraine: A Short Course”). *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Istoricheskie Nauki*, 2023, no. 3 (57), pp. 66–74. (In Russian)
14. Dubrovskii A.M. “A History of Ukraine: A Short Course” by O. Palii and earlier historiography. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta: Istoricheskie Nauki*, 2024, no. 2 (60), pp. 52–60. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-52-60>. (In Russian)
15. Filyushkin A.I. How to study the history of Eastern Europe today? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 1, pp. 3–24. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101>. (In Russian)
16. Puzanov V.V. “And the boyars mourned him as the defender of their land, while the poor grieved for him as their guardian and feeder...” In memory of Saint Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 170–179. (In Russian)
17. Ishchenko A.S. The war of memories or who owns the heritage of Kievan Rus'. *Istoricheskaya Ekspertiza*, 2022, no. 2, pp. 109–122. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-2>. (In Russian)
18. Aseev A.D., Shishkov V.V. Russia in the “memory wars”: Historical politics in Eastern Europe. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Obshchestvennye Nauki*, 2020, no. 2 (839), pp. 9–23. (In Russian)
19. Tokareva E.A. Today's “memory wars”, or approaches to the interpretation of historical events in history, politics, and education. *Prepodavatel' XXI Vek*, 2021, no. 2, pt. 2, pp. 288–300. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-288-300>. (In Russian)
20. Kondufor Yu.Yu. (Ed.) *Istoriya Ukrainskoi SSR* [A History of the Ukrainian SSR]. Vol. 1: Primitive communal structure and the birth of a class society. Kievan Rus' (up to the second half of the 13th century). Kyiv, Naukova Dumka, 1981. 496 p. (In Russian)
21. *Istoriografiya istorii Ukrainskoi SSR* [Historiography of the History of the Ukrainian SSR]. Khmel' I.S. (Ed.). Kyiv, Naukova Dumka, 1987. 557 p. (In Russian)
22. Kas'yanov G.V. *Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and Its Neighbors: A Historical Policy. 1987–2018]. Moscow, NLO, 2019. 282 p. (In Russian)
23. Shevchenko F.P. Why did Mykhailo Hrushevsky return to Soviet Ukraine? *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1996, no. 11, pp. 13–30. (In Ukrainian)
24. Boiko I., Kiriliuk Y. Mykhailo Hrushevsky. Commemorative centennial of birth. *Literaturna Ukraina*, 1966, Sept. 30 (no. 77), pp. 3–4. (In Ukrainian)
25. Bilokin' S. Mykhailo Hrushevsky. *Literaturna Ukraina*, 1988, July 21 (no. 29 (4282)), p. 7. (In Ukrainian)
26. Smolii V., Hurzhii O. Heritage. *Vitchyzna*, 1989, no. 1, pp. 168–172. (In Ukrainian)
27. Shevchenko F.P., Smolii V.A. M.S. Hrushevsky. A brief sketch of his life and scientific activity. In: Hrushevsky M.S. *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [An Essay on the History of the Ukrainian People]. Kyiv, Lybid', 1990, pp. 345–365. (In Russian)
28. Smolii V.A., Sokhan' P.S. An outstanding historian of Ukraine. In: Hrushevsky M.S. *The History of Ukraine–Rus*. Vol. 1: Before the early the 11th century. Kyiv, Naukova Dumka, 1991, pp. X–XXXIX. (In Ukrainian)

29. Hrushevsky M.S. Great, Little and White Rus'. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 77–85. (In Ukrainian)
30. Rychka V.M. Reconsidering the evolution of the name “Rus’ ” in the ethnopolitical history of Ukraine. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 86–88. (In Ukrainian)
31. Tolochko P.P. Afterword. In: Hrushevsky M.S. *Essay on the History of the Kyiv Land from the Death of Yaroslav to the Late 14th Century*. Kyiv, Naukova Dumka, 1991, pp. 526–541. (In Ukrainian)
32. Kyian O.I. Life and work of V.B. Antonovich. *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 1991, no. 2, pp. 64–75. (In Ukrainian)
33. Kyian A.I. The history of Ukraine on the pages of Russian historical journals in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Diss.* Kyiv, 1991, 18 p. (In Russian)
34. “At the dawn of the modern historical era...”: An interview with V. Smolii, the Editor-in-Chief of *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal* (Ukrainian Historical Journal) and the Member of the National Academy of Sciences of Ukraine (recorded and prepared by O. Yas'). *Ukrains'kii Istorychnyi Zhurnal*, 2024, no. 6, pp. 5–19.

Информация об авторе

Пузанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Удмуртский государственный университет

E-mail: vpuzanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0937-9545>

Author Information

Viktor V. Puzanov, Dr. Sci. (History), Full Professor, Head of Department of Russian History, Udmurt State University

E-mail: vpuzanov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0937-9545>

Поступила в редакцию 10.02.2025

Принята к публикации 10.04.2025

Received February 10, 2025

Accepted April 10, 2025